

К.В. Лифанов

Кодификация Л. Штура в контексте языковых процессов

Аннотация: В статье рассматриваются факты истории языка словацкой письменности, демонстрирующие то, что кодификация словацкого литературного языка, осуществленная Л. Штуром, была органичным продолжением протекавших процессов. К их числу относятся появление специфического идиома, возникшего в результате взаимодействия чешского языка со среднесловацким диалектом, функционировавшего в евангелической духовной литературе и представленного, в частности, в катехизисе 1634 г., изданном Д. Прибишем; тотальное вытеснение чешского языка из высокой поэзии евангеликов, осуществлявшееся с 30-х гг. XIX в., и «частичная предкодификация» нового литературного языка на среднесловацкой диалектной базе 1835 г.

Ключевые слова: духовная литература, взаимодействие, фольклорное койне, тотальное вытеснение, «предкодификация»

Abstract: This paper focuses on the facts of the Slovak writing history showing that L. Štúr's codification was an organic continuation of proceeding language processes. These include the emergence of a specific idiom, resulted from the interaction of the Czech language with Central Slovak dialect, functioned in Lutheran spiritual literature and presented, in particular, in the 1634 Catechism published by D. Pribiš, the total displacement of the Czech language from high poetry of Lutherans from 30th of the XIX century and 1835 «partial precodification» of the modern literary language based on Central Slovak dialect.

Key words: spiritual literature, interaction, folklore koine, total displacement, «precodification»

Традиционно развитие языка словацкой письменности рассматривается как конкуренция двух взаимоисключающих тенденций: тенденции сохранения чешского языка в качестве литературного языка словаков и тенденции его словакизации. Первая тенденция связывается главным образом с деятельностью словацких евангеликов, а вторая – католиков. Такое рассмотре-

ние истории языка словацкой письменности в целом соответствует действительности и представляет собой генеральную линию истории. В соответствии с ней кодификация словацкого литературного языка, осуществленная евангеликом Л. Штуром в 40-е гг. XIX в., предстает как неожиданный и нелогичный факт, поскольку Л. Штур одновременно радикально порывает и с традицией использования чешского языка словаками, и с традицией использования идиома, сформировавшегося в результате взаимодействия чешского языка с западнословацким диалектом и использовавшимся во всех сферах письменности католиками, в том числе и в форме бернолаковского литературного языка, и в «низших» жанрах письменности евангеликами, которые эти жанры не считали сферой функционирования литературного языка.

В истории языка словацкой письменности, однако, имеют место факты, которые свидетельствуют о том, что выбор Л. Штуром северных средне-словацких говоров в качестве диалектной базы нового литературного языка был не случаен. Напротив, он естественным образом вытекает из процессов, зародившихся и получивших дальнейшее развитие в языке евангелической письменности.

Первым фактом, который не вписывается в генеральную линию развития языка словацкой письменности и коррелирует с последующей кодификацией Л. Штура, является специфика языка «Катехизиса» М. Лютера 1634 г., изданного в восточнословацком городе Левоча евангелическим священником в Спишском Гргове Даниэлем Прибишем (ок. 1580–1645).

«Катехизис» состоит из двух частей, принципиально отличающихся в языковом отношении. Первую часть составляет собственно катехизис, причем, как указано на титульном листе, он является переизданием катехизиса 1612 г., переведенного по решению Жилинского синода евангелической церкви тремя суперинтендентами, причем наиболее важная часть работы приписывается одному из крупнейших поэтов периода барокко Э. Лани¹. Переводчики собственно катехизиса стремились строго следовать нормам чешского языка, хотя единичные словакизмы в него проникают. Вторую часть данного издания составляет введение, а также объемное приложение к катехизису, включающее в себя три «книжечки»: «Rosarium Animae», «О способе моления» и «Духовные песни». Литературоведы (Й. Дюрович², С. Шматлак³, Й. Минарик⁴ и др.) давно обратили внимание на «Духовные песни», включенные в данный катехизис, поскольку этот текст представлял собой первую попытку создания канционала – сборника многоголосых пес-

¹ Žibritová G. Žilinská synoda a Katechizmus z roku 1612. Vydavateľ'sko-tlačiarenské aspekty // Pramene k duchovným dejinám Slovenska: zborník štúdií a dokumentov k problematike vydávania edície Pramene k duchovným dejinám Slovenska / Ed. Miloš Kovačka. Martin 2011 www.snk.sk/?CF2 [доступ 13.06.2013].

² Durovič J. Duchovná poézia slovenská pred Tranovským (Pribišova sbierka piesní). Liptovský Mikuláš 1939.

³ Šmatlák S. Dejiny slovenskej literatúry I. 9. – 18. storočie. Bratislava 2002. S. 249–251.

⁴ Minárik J. Dejiny slovenskej literatúry. Zv. 1. Staršia slovenská literatúra (800–1780). Bratislava 1985. S. 166.

нопений евангелической церкви, предназначенных для совместного исполнения церковным хором и общиной. Целый ряд песен из данного катехизиса был включен в сборник «Цитра святых» (Cithara sanctorum) Ю. Трановского. «Цитра святых» стала важнейшей книгой духовной жизни словацких евангеликов на долгие годы. С языковой же точки зрения наибольший интерес представляют две другие книги «Розарий души» (Rosarium animae) и сборник молитв «О способе моления», поскольку они представляют собой однородные в языковом отношении тексты, автором и/или переводчиком которых был непосредственно Д. Прибиш.

Спецификой языка Д. Прибиша является полное отсутствие в нем элементов западнословацкого происхождения, что, как правило, характеризовало словацкие письменные тексты независимо от места их происхождения¹, наличие нетипичных богемизмов, например практически последовательное употребление форм с перегласованными гласными или чрезвычайно частотное, хотя часто неверное, обозначение звука ř при одновременном обилии среднесловацких элементов, например дифтонгов или смягчения согласных n, t, d в позиции перед e исконным и e < ь, характерной для среднесловацкого диалекта. Приведем примеры указанных словакизмов:

a) Skrze skrussenost srdce do srdce Clowěka *zasyaty* bywa; kdo sebe samého nezna / ten swoge hřjchij nikdy oplakáwati a želeti / mnohem meneg wiznawáti bude *muocy*; pakliz *nie/slyš* Sententiu hřoznú Pána Boha twého na tělo y Dussi; toliko mi před časem powez žeť budu *wedjet'* poradit' y pomůc; A ne čekag aby ty Pán Krystus *naliwal* / zako Geruzalemskijm / kdy nad gegich zatwrdlosti plakal; Dněs dněs když biste vslysselij hlás gehu / ně zatwzrugtě *Srdcia* wassé; kterými gsy pohlěděl na Swate[h]o Petra w *sieni*; Očem na *hřjadce* Druheg vslyssýš; Nebo y Swaty Pawelniekdy zarmutil Korintské swé; slyssewsse tu Nowinnu že *se nawracia* knému; a že takowij Boha *widiety* budu; A o swátem Petrowj y ginych wčedlnjcech práwj Krystus Pán / že gjich žadal diábel *osiewati* yako pssenicu na *rječyci*;

б) aby wečné w Smrti *nězostaly*; A *gindě Okustě* yak Sladky gest Pán; A kčemu dal nám Pán Bůh zrcadlo Zákona / a *Děsatero* Božjch přikázanj; *plačtě* na hůre mé Swaté /zarmucenij *budtě* wssyckni Obywatelě zemsstj; žebi se po čtyricat (не читается) *dñech* propadnuti meli pro swe weliké h řjchi; toliko mi před časem powez žeť budu *wedjet'* poradit' y pomůc; *Dněs dněs* když biste vslysselij hlás gehu; Ano gedén *děn* wicegi nežli tisycekrát ga sem v padla / a Pána Boha bližnijho mého hn ěwala; Ya gsem ten *Něsprawedliwý* Ssefar / který gsem marfál Statek Pána swého / a dlužen gsém gěmu *děset* tijsyce hřiwěň (E); Kdež ya giž *nalezněm* žywůt?; *Rekněmeli* že hřjchu *němáme* / samij sobě sklamámě / a prawdý *nebudě* w nás; Wikupenj *gstě* / *Něporussytedlnými* wecmi, Strybrém a nebo zlátem: Ale predrahú krwj Beránka *něposskwrněného* Gežisse Krysta.

Вероятно, в данном случае следует говорить не о специфике языка Д. Прибиша, а о зарождении боковой ветви в развитии языка словацкой письменности, представленной в духовной литературе в среде евангеликов и характеризующейся взаимодействием чешского языка непосредственно со сред-

¹ Lifanov K. Hierarchia kultúrnych jazykov v slovenských písomnostiach predkodifikačného obdobia // Slovenská reč 67, 2002, č. 1. S. 19–29.

несловацким диалектом, причем именно эта ветвь коррелирует с кодификацией Л. Штура. Эту традицию продолжили «неизвестный издатель канционала 1653 г., Даниэль Горчичка, Тобиаш Масник и аналогично неизвестный издатель канционала 1696 г.»¹. И только суперинтендент и известный писатель и переводчик Даниэль Крман осуждает эту тенденцию. Данный вопрос, однако, нуждается в изучении.

Другой этап в развитии языка словацкой письменности, непосредственно предшествующий кодификации Л. Штура, начинается в конце XVIII в. К этому времени в северном среднесловацком регионе на базе местных говоров, прежде всего липтовских, сформировалось фольклорное койне (зафиксировано в чистом виде С.Б. Гробонем в сборнике песен, записанных в селе Сиелница). Фольклорное койне проявляло тенденцию к экспансии в южные регионы Средней Словакии, а также в Западную Словакию. Первоначально оно проникало в народные песни, что зафиксировано, в частности, в «Национальных песнях» Я. Коллара. К началу XIX в. наблюдается процесс его проникновения в популярную поэзию уже всех областей Словакии, включая Восточную, причем первоначально в стилизации народных песен, а затем и в другие ее жанры. При этом сначала оно принимает форму инфильтрации отдельных языковых элементов и употребляется в популярной поэзии независимо от конфессиональной принадлежности авторов. В 30-е гг. XIX в. среднесловацкое фольклорное койне, модифицируясь в койне поэтическое, внедряется и в высокую поэзию словацких евангеликов, приобретая форму тотального вытеснения из этой сферы письменности предшествующей языковой системы, т. е. чешского языка², причем также первоначально в стилизации народных песен (например стихотворения С. Халупки и С.Б. Гробоня), а в начале 40-х гг. XIX в. – и в другие жанры поэзии. Наличие же орфографических богемизмов в записях этих стихотворений свидетельствует лишь о стремлении евангеликов скрыть их истинный, среднесловацкий характер, как бы помещая язык в чешскую оболочку, однако сходство этих стихотворений с произведениями чешских авторов (и словацких евангелистов, продолжающих писать по-чешски) лишь визуальное.

В качестве примера двух типов проникновения фольклорного койне в авторскую поэзию приведем стихотворение неизвестного автора из сборника М.М. Крижана 1835 г. (инфильтрация отдельных элементов койне) и стихотворение Шумьяцкого (вероятно, псевдоним), опубликованное в 1843 г. в «Новом и старом патриотическом календаре» Г. Фейерпатаки-Белопотоцкого (тотальное вытеснение предшествующей языковой системы).

¹ Mocko J. Historia posvätej piesne slovenskej a historia kancionálu. Liptovský Mikuláš 1909. Zlatý fond denníka SME 2013. Dostupné na webovskej stránke (world wide web) zlatyfond.sme.sk/dielo/1812/Mocko_Historia-posvatnej-piesne-slovenskej-a-historia-kancionalu [доступ 29. 4. 2015].

² *Лифанов К.В.* Формы проникновения среднесловацкого фольклорного койне в сферу авторской поэзии (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Wiener Slavistisches Jahrbuch, Band 44, 1998. S. 99–113.

СБОРНИК М.М. КРИЖАНА
(1839 г., ТРЕНЧИНСКИЙ КОМИТАТ)¹

Prechodj sa milá smutně po hagjčku
Padagu geg slzy po geg *bgélém* ljčku
Tak *prehorce* plače, zalamuge *ruce*
Nemože potešit swoge *smutne* srdce
Cjm som sa tešila to som sy stratila
Čo som sy *ve* světe za Poklad wážila
Stratila som Poklad od srdečka *meho*
Či mi už nebudě v Svetě podobného
čo by sa zobrali za Sveta Pisaři
Nevipysali mi *mého* srdca žali
Neni toho Pera ani ten atrament
Čo by vypýsali *mjch žalow* fundament.
Láska dictuvala a Malár maluwaw
A to šetko preto že som ta myluwaw
Ach Bože pre Bože věd ge to *žál* velky
Ked sa už odbera mily od milenky
Keby sa odobraw na Rok lebo na dwa
Ale sa odbera že neprjdě ňikda.

1. Šuhagu w cudzině Mutný garčok plynie; To moge diewčatko W žialu za mňou hynie.	5. Keby každá hwiezda Sto ručičok mala; Tú mogu ťažkotu By newypjsala.
2. Pod mogjm oblúčkom Bystrie wlnky skáčú; Wěru moge oči Za tēbou neplačú.	6. S bučka na buk lietá Sjkorka a zpiewa, Teg twogeg ťažkotě Milá sa wysmiewá.
3. W březině počugem Smutný hlas ptáčka; Nad zlomenau wierou Milý twog narieká.	7. Tašly lastowičky S nimi twoga wiera; A šuhag sa wěrný Do zemi uberá.
4. Wysoko mesiačok Na něbe přibitý; Kragšj ge teragšj Milý muog, gako ty.	8. Sláwik za samičkou W úbočí bēduge; Umierag šuhagku, Mňa druhý miluge

Данный процесс имел принципиальное значение для развития словацкого литературного языка, поскольку он свидетельствует об использовании сло-

¹ Курсивом выделены словоформы и лексемы, имеющие чешское или западнословацкое происхождение, что при наличии в тексте среднесловацких элементов демонстрирует гибридный характер его языка. – К. Л.

вацкого языка в его среднесловацком варианте, что ранее было невозможно. Данное явление отражает изменение языковой ситуации в Словакии.

И наконец чрезвычайно важным фактом, свидетельствующим о назревшей необходимости кодификации словацкого литературного языка на среднесловацкой базе, представляет собой публикация двух первых выпусков альманаха «Зора», выходявшего в Буде в 1835–1836 гг. под редакцией Михала Годры, поэта и лингвиста евангелического вероисповедания. Важность альманаха «Зора» заключается в том, что в нем впервые в истории одновременно публикуются статьи как на чешском литературном языке, так и на бернолаковщине, что было невозможно ранее, так как данные идиомы функционировали в отношениях дополнительной дистрибуции, что является еще одним доказательством изменения языковой ситуации в среде евангеликов. Более того, М. Годра сознательно редактирует тексты, опубликованные в альманахе, и даже приводит список вносимых изменений с комментариями. Его изменения затрагивают не только орфографию, но и фонетику и грамматику, в связи с чем данное действие М. Годры принимает характер частичной «прекодификации». При этом он пишет следующее: «Я никого не призываю следовать за мной, но я убежден, что многие признают предложенные изменения»¹. Важно то, что эти изменения имеют общесловацкий или среднесловацкий характер и совпадают с последующими положениями кодификации Л. Штура. К первым относятся, например, упразднение перегласованных флексий в грамматических формах им. ед. *moja duša, naša práca, vaša bohyňa*; вин. ед. *našu prácu, tvoju bohyňu*. Ко вторым – формы твор. пад. ед. у всех имен женского рода с окончанием *-ou*: *našou prácou, útlou radosťou*; в твор. падеже ед. существительных м. р. – флексия *-om*, в том числе и у существительных на *-a* (*patriarchom*), а в род. ед. у этих существительных формы с флексией *-u*: (*patriarchu*). Кроме того, он заменяет чешские монофтонги словацкими дифтонгами: *toho náradja, od naroz enja, z a živ obitja... v idja,činja, letja; volavší, šjá, šjé*. Интересно, что после согласного *s* М. Годра предлагает употреблять формы с долгими монофтонгами, а не дифтонгами, напр. *volající, cá, cé*, что совпадает с кодификацией Штура, который считал этот согласный, а также согласный *dz* не твердыми и не мягкими согласными, а средними², после которых дифтонгизация происходит факультативно.

М. Годра вносит изменения не только в чешские, но и в бернолаковские тексты, в результате чего сближает их. Это проявляется особенно наглядно в том случае, если сопоставлять тексты из двух первых выпусков альманаха «Зора» не с кодификацией А. Бернолака, а с реально функционировавшей бернолаковщиной³. В частности, например, в них фиксируются дифтонги, рефлекс *o* на месте бывшего *ь*, изменение сочетания *ort* при циркумфлекс-

¹ Godra M. Osvědčení // Zora. Almanach. V Budině 1835. S. 282–284.

² Štúr L. Náuka reči slovenskej // Ľudovít Štúr. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Slovenčina naša. Bratislava 1957, s. 179.

³ Лифанов К.В. Метаморфозы кодификации А. Бернолака // Zeitschrift für Slavische Philologie, Band 69, Heft 2, 2012–2013. S. 247–280.

ной интонации в *rat* и т. д. Внесение среднесловацких особенностей как в чешские тексты, так и в тексты, написанные на бернолаковщине, существенно их сближает и показывает путь, каким образом в скором времени католики и евангелики объединятся в языковом отношении. Ср. примеры текстов, опубликованных в альманахе «Зора» на бернолаковщине и чешском языке:

Dr. Ottmayer (бернолаковщина)¹

Z radostným Sňíváním tímto celá Noc prešla, a Ondreg, ktorí pred krátkim Časom geš-
ťe w Paláci prebival, wiďel sa prebuďení w swogég chudobnég Chiži – w swogég cha-
ternég Post'eli. Zdichnul ku Ňebesám, a poňewáč wiďel že guš Zora nastáwá, zapome-
nul na wšecké radostné, a u'ěšené Sni, – Trúbu pastírsku do Ruki wezmúc, tak wesďe,
tak spokogňe, gak do Wčilegška, zhromážďit'i Stado swoge sa usilowal, s kterím ten-
to *Ďeň* na nagďálšich d'ed'inských *Pasiénkoch* sa usaďil. Po Polédňi, kdiž Stado swo-
ge *preziéral*, a fagčil, naráz skrz gedného pocestného Pána, ku Kaču, na hradskú Cestu
zawolán gest, ktorí, poňewáč Kresiwo swé stratił, a podobňe fagčit'i žádal, od weselé-
ho Ondrega Ohňa wiprosit'i si *umiěňil*. Običagné Otázky *zďegšich* Pastírow sú: odkád',
a *kďe* Pocestníka Cesta *wed'e*? podobňe i Ondreg Otázku túto Pánowi, kterému Ohe ň
do Fagki wd'ačne podal, predložil.

A. Palucký (чешский язык)

Zelená hora strmým břehem se vyzdvihuje nad Vislou: její *večernjá tvóňa* padá na vlny
této polské řeky. Okolní obyvatelé ju *Prškou nazívajú*: neb když její chochol v *tmavú*
mhlu se obaluje, jistým jest blízkého deště znakem. U hory této v příjemném okolí malá
vesnica. Skrovný prameň šeptavě se pomezy *roztrúšená* bndoviska (!) to či a *vesnicu*
mezy dva *šlachtice* dělí. Na pravé straně staré, pevné stavení oznamuje starý, někdy
mohutný svého vládatele rod. *Dvor, zahrada* a celé stavisko obeháno *ť múrem*, přes
který se tu i tam zelenec s břečtanem převinuje. U prostřed *prostranného* dvora stojí
lipa, věrná rodu od století: žádná ještě haluz jej nechybí. Ratolesti její listnaté u spodu
rozšířené, *klenú* se zhůru vždy menším a menším okolkem, čím výše, tím méně se od
pně oddalujíce, až se u vrchu v příjemně *okružlú* formu *skončujú*. Pod *ňou* malý stolík:
okolo něho z *bjélé* březy lavice.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о том, что кодификация Л. Штура была подготовлена всем развитием языка словацкой письменности, отражавшим изменение языковой ситуации в Словакии. Заслуга же Л. Штура в развитии словацкого литературного языка состоит в том, что он осознал эти изменения и, обладая исчерпывающими знаниями в области среднесловацкого диалекта и языка фольклора и имея прекрасную лингвистическую подготовку, блестяще реализовал эти изменения в кодификации словацкого литературного языка.

Сведения об авторе:
Константин Васильевич Лифанов,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

¹ В текстах Оттмайера и Палуцкого курсивом выделены примеры явлений, отсутствующих в бернолаковщине и чешском языке. – К. Л.

Konstantin V. Lifanov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lifanov@hotmail.com